

Иосиф Бродский

Ушел... Мне остается молоко,
Плюс радиус ночного шиферблата...
Оставил только яблоки в зазор
и смелся, тапободил Пизалата!
Попробуем окранный халат,
исследуем окранный котелок,
Воздрузим на затылок котелок...
с присохшими остатками салата...
Какие звезды?! Пол и потолок.
В окошке — отражается палата.

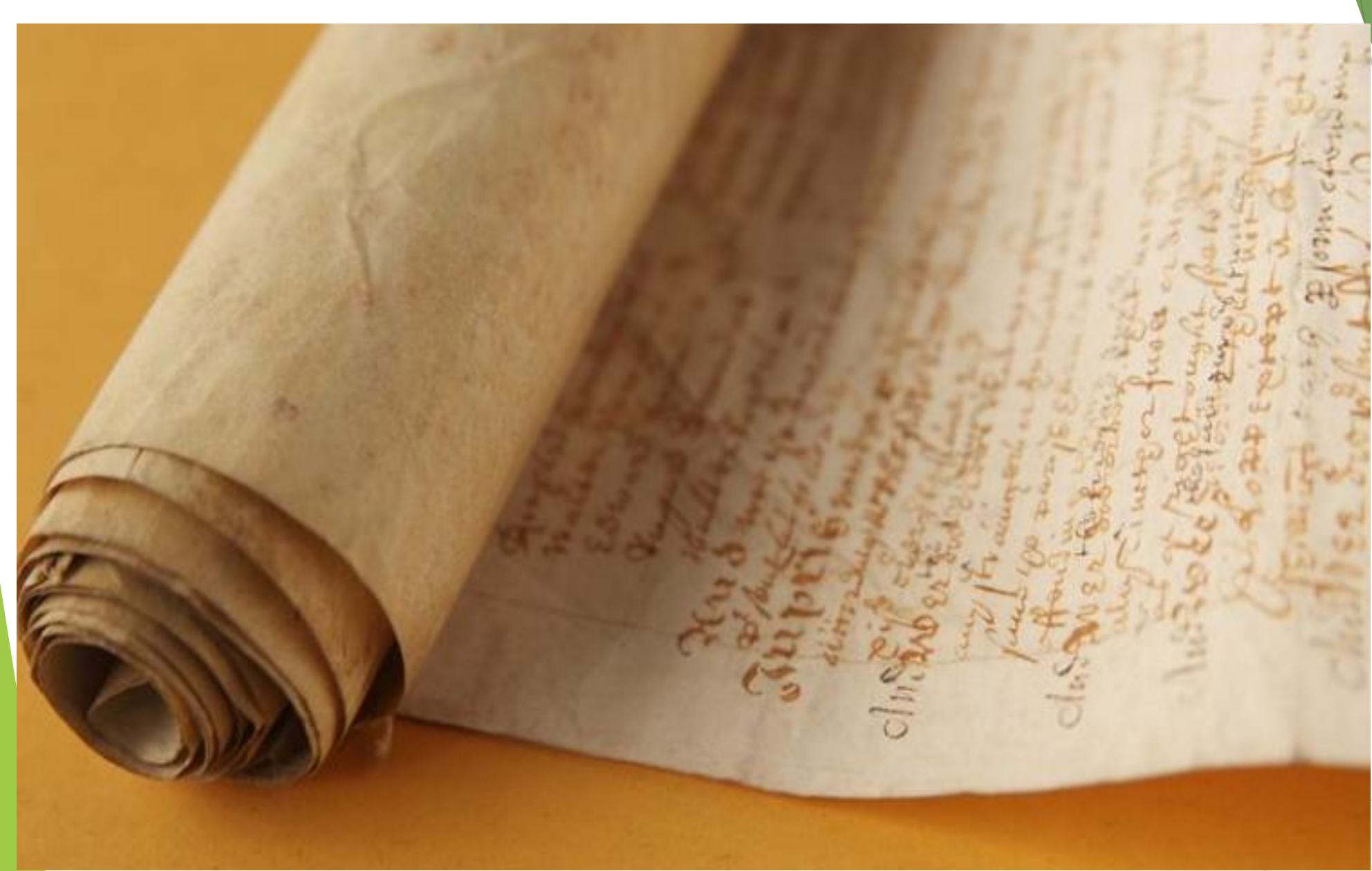
Ночь. Окна — бесконечности олят.
Палата и них двоятся и каубитя.
За окнами — решетки передлетя.
наружу отраженью не пробитяся.
В пространстве этом — задом-наперед —
постелью мудро не ошнбитяся!
Уснуть бы... и вообще — самоубитяся!
Рискуя — раз тут все паоберот —
тем самым в свою дупу углубитяся!

Уснуть бы... Санитары на посту.
Приносит ли им пользу отраженья?
Оно лишь умножает тесноту,
поскольку бесконечности — умноженья.
Я сам уже в глазах своих расту,
и стекла, подхлестнув воображенья,
сжимают между койками версту...
Я чувствую во внутренностях женья,
взирая на далекую звезду.
Основа притяженья — торможенья!

[104] Стихотворения

[105] Стихотворения

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is written on aged parchment and is partially obscured by the scroll's curvature. The script is dense and difficult to decipher, but appears to be a form of early modern cursive. The parchment is yellowed and shows signs of wear, including creases and discoloration.

